

Бывает, что погода вносит свои коррективы в празднование. При многодневных осадках – холм труднодоступен. Тогда есть маневр перенесения праздника в Тобольск – там, уже по асфальту бывает Крестный ход от Софийско-Успенского собора в парк Ермака, где еще в 30-х гг. 19 в. установлен памятник Ермаку, а строевые мероприятия проходят на площади Тобольского Кремля.

Конечно же в 2020 и 2021 гг. в связи с пандемией праздник прошел в сокращенном формате. О каждом празднике, начиная с 2014 г. в архиве Тобольско-Тюменской епархии имеется подробный отчет.

Празднование Дней атамана Ермака обычно заканчивается общим фото казаков с митрополитом Тобольским и Тюменским Дмитрием у поклонного Креста на холме Ермака.

В этом году открывается Тобольский аэропорт. Расположен он как раз на Вагайском тракте. Посещение холма Ермака станет более доступным!

Слава Богу что мы казаки!

Литература:

1. Ермак: энциклопедический словарь – справочник / под редакцией Г.С. Зайцева, В.И. Степанченко; Тюменский государственный университет, центр региональных справочных изданий – Тюмень: издательство ТюмГУ, 2018, – с 86.
2. Далмат Исетский – Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Далмат_Исетский

Ярков А. П.

КАЗАКИ УРАЛА, СИБИРИ И СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ВОССТАНИЯХ 1920–1922 ГГ.

**(памяти друга, литератора и краеведа
А.И. Васильева, стоявшего у истоков возрождения
казачества в Тюменском регионе).**

О географии и социальной «палитре» восстания

Административное разделение территории между РСФСР и Киргизской (Казахской) АССР к началу 1920-х г. в основном закончилось, но «коллективное бессознательное» даже «расказаченных» сибирских и оренбургских казаков по-прежнему воспринимало регион как целое и неделимое.

В событиях 1920–1922 гг. принимало участие не только казаки и крестьяне, но и кочевники, совслужащие и иностранные военнопленные. Действовали находившиеся на Урале и в Сибири ссылку бывшие монархисты и националисты, представители уже запрещённых к тому времени политических партий и движений, офицеры царской Армии и белогвардейцы, «зелёные» или «социально опасные элементы» (для государственной власти) разного происхождения. По сведениям комендантов Петропавловского, Кокчетавского, Кустанайского, Акмолинского концлагерей многие заключённые – из «хлебопашцев» [3, с. 66]. Отбывали политическую ссылку здесь донцы и кубанцы, ограниченные в гражданских правах вместе с представителями всех дореволюционных казачьих войск.

Территориально основные события проходили не только на территории Ишимского и Петропавловского уезда, а имели более широкое пространственное измерение. Поэтому неправомерно их сводить к одному восстанию, именуя его Ишимско-Петропавловским или Западносибирским. К тому же Гражданская война, «схлынув» из Сибири, «задержалась» на Дальнем Востоке до весны 1923 г., а ушедшие повстанцы принимали участие в басмаческом движении в Средней Азии.

Признавая, что основной движущей силой восстаний были славяне, примем условность определений участников как «русские» и «инородцы / нерусские». В событиях оказались задействованы не только русские (доминируя), но и алтайцы, башкиры, белорусы, бухарцы, евреи, казахи, коми-зыряне, латыши, литовцы, манси, немцы, ненцы, поляки, татары (поволжские и сибирские), украинцы, ханты, чехи, эстонцы... А состав Оренбургского и Сибирского казачьих войск вплоть до их расформирования всегда был пёстрым.

У каждой из указанных групп был свой уровень образования и политического сознания, социально-экономический уклад и психический склад, лингвистические, религиозные, культурные особенности, другими не всегда понимаемые и признаваемые. Объяснение – в специфической среде прародин, где эти группы сформировались, и в том историческом пути, по которому они шли. Былой социальный статус уже не играл существенной роли. Так, в подавлении восстаний приняли участие «красные казаки», в т. ч. состоявшие в рядах РКП /б/. Случалось, что они «переходили» в лагерь «мятежников», движимые личными обстоятельствами. Немалый элемент участников событий (и по обе стороны «баррикад») – маргиналы, объединённые не идейными лозунгами (хотя иные ими прикрывались), а жадой наживы и разбоя.

Иногда «межа» проходила не только среди соплеменников и земляков: в семье Шевченко (в Ишимском уезде) Яков служил в РККА, Илья повстанцы убили в самом начале восстания, Пётр возглавлял сопротивление государственной власти до августа 1921 г., а их сестра

Елизавета до февраля 1922 г. скрывалась с повстанцами. Образ «врага» в этой семье оказался «размытым», что присуще любой гражданской войне. И не только в России...

Признаем, что в массах отношение русских / православных (по происхождению) к нерусским / «иноверцам» часто складывалось из предрассудков. Не случайны используемые в одном из воззваний образы: «В с. Соколовское пойман коммунист, из документов которого выяснено, что он делегирован из Москвы относительно Варфоломеевской ночи, и [они собираются] вырезать крестьян и рабочих 75%» [4, т. 2, с. 237]. Очевидно, не столько факты, сколько слухи и вековые стереотипы сыграли немалую роль в формировании оппозиции «свой / чужой».

Это использовалось всеми противниками. После разгрома Кольванского восстания летом 1920 г. власти доносили: «Духовенство, в своей массе, было на стороне повстанцев, но, наученное горьким прошлым опытом, воздержалось от активности, хотя отдельные служители культа и выступали в роли проповедников-агитаторов, служили молебны о даровании побед повстанцам, в отдельных случаях принимали живое участие в вербовке добровольцев и вылавливании коммунистов» [4, т. 1, с. 29].

Вместе с «красными латышскими стрелками» и «красными мадьярами» подобные люди стали одними из самых надёжных (для большевистской власти) бойцов. Это оценили и уточнили (в формируемом образе «врага») повстанцы, среди которых были уже лишённые принадлежности к особому сословию казаки. В Воззвании штаба крестьянско-казачьей повстанческой армии от 5 августа 1920 г. сказано: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников – вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области. Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть, или сбросить ненавистную жидовскую коммуну, Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались не мадьяры и другие иностранцы, а свои, русские люди, выборные от народа – тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть» [4, т. 1, с. 240].

О задачах продрозвёрстки

У большевиков была конкретная цель – провести продрозвёрстку успешно и в короткие сроки. Задачи определялись тем, что кроме плана по хлебу, зернофуражные и масличные семена, были введены розвёрстки на картофель, мёд, птицу, крупный и мелкий рогатый скот, кожи и шерсть, льноволокно, пеньку и другое. Всего же на сельчан

наложили 34 вида развёрсток. В конце 1920 г. стало ясно – полностью задание Москвы не выполнить: Тюменская губерния, например, заготовила 6 601 тыс. пудов хлеба (при плане в 6 500 тыс. пудов), а по поставкам мяса выполнила лишь на 60% от установленного.

Латентная фаза конфликта власти и масс протекала вяло, но повсеместно – на севере и на юге, в степных и горных районах. Пролетариата (за исключением горнозаводских рабочих, железнодорожников и речников) – опоры большевистской власти, было мало. А вот число противников постоянно увеличивалось. В их стан переходили даже сочувствующие коммунистам и ранее воевавшие с Директорией и Колчаком.

К тому же летом 1920 г. разразилась засуха в Алтайской и Омской губерниях, где бывшее казачество (весьма поредевшее за годы Первой мировой и Гражданской войн, из-за эмиграции и отправки в «Трудовую армию») оставалось заметной частью земледельцев. Хотя их наделы стали существенно меньше (к середине 1920-х гг. вообще были доведены в Омской губернии до 7,07 десятины), чем у старожилов – 36,6; новосёлов – 35,2; казахов – 54,3; татар – до 70 десятин⁶.

Местная промышленность была не в состоянии удовлетворить и минимальные запросы населения: она произвела лишь 25,2% до-революционного объёма продукции. Снижился выход угля, что для населения бывшей «Горькой линии» являлось существенной проблемой. Тем не менее, регион рассматривался правительством как источник сырья и продовольствия, поскольку в центральной и южной частях страны ситуация оказалась ещё драматичнее. Первый этап заготовительной кампании был проведен в щадящем режиме – «самотёком». Но уже к лету 1920 г. нормы сдачи продовольствия были резко увеличены, что вызвало недовольство.

Стремясь снять напряжение, в Обращении «Товарищи крестьяне, казаки и киргизы» Сибревком отмечал: «Победа требует жертв, и тяготы борьбы за полное освобождение трудящихся равномерно развёртываются между всеми трудящимися». Выражена и надежда, что население поддержат власть, которая, впрочем, в том не была уверена. Так, за полгода до того в письме к В.И. Ленину И.Н. Смирнов запрашивал: «...для целей осуществления продразвёрсток не создать ли в Сибири несколько немецко-венгерских дивизий?». Сохранилась ленинская резолюция: «По моему, нужно» [1, с. 111]. Дивизии должны были формироваться из военнопленных, разделявших концепт мировой революции. Представления о «родине» для них были связаны с политической идеей – расширением пространства социализма. Их действия иногда оправдывались «революционной необходимостью». Так, отряд Павлодарского уездного военкомата из 12 кавалеристов

---

⁶ У татар и казахов объяснялось их кочевым скотоводством.

и 45 «интернационалистов-мадьяр» в иртышских станицах изъял 52 винтовки, 20 пашек, несколько сотен патронов, 62 седла и без суда расстрелял 34 чел. [4, т. 1, с. 230].

Тем временем уже эмоционально и идейно созрела надэтническая и внерелигиозная протестная общность, готовая к сопротивлению. Массы увидели, что собранные (в т. ч. с насилием) продотрядами тысячи пудов хлеба, льна, пушнины, кожи скопились в Омске, Новониколаевске, Томске, Красноярске. Руководители Сибири информировали В.И. Ленина: «...совершенно точные, проверенные нашими людьми сведения о лежащих на пристанях товарах, назначенных к отправке за границу. Все товары упакованы и через две недели пойдут в устье р. Оби. Мы своё дело сделаем, боюсь, что стоимостью этих товаров в два-три раза превзойдет то, что нам привезут из Швеции». Несмотря на несоответствие цен и затрат, первые караваны из Карского моря ушли на запад в августе 1920 г., увезя 600 тыс. пудов хлеба, мяса и рыбы.

Север Урала и современного Казахстана, Западная Сибирь оказались зоной затяжной борьбы, хотя идеи противоборствующих сторон были непонятны многим нерусским, да и выражались они на русском языке, которым владели единицы.

Кризисная фаза

Она отражает ту степень конфликта, которую уже невозможно разрешить мирным путём. Именно в ответ на поборы, грозящие голодом (биологической потребности) и обнищанием (материальной потребности), правовое и моральное унижение (социальная потребность) в конце 1920 г. прежняя латентная напряженность переросла в открытое и коллективное сопротивление. Его обрисовал (но лишь в марте 1921 г.) начальник штаба советских войск Петропавловского района С.Д. Володарский: «...идейным движение назвать нельзя; все лозунги, за исключением лозунга «Долой и бей коммунистов!», носят совершенно неопределённый характер – «Свобода народа», «Народное право» и проч., и могут быть использованы кем угодно» [4, т. 2, с. 361].

Первоначально продразвёрстка проходила в «щадающем» режиме, но к лету 1920 г. нормы сдачи увеличились, вызвав недовольство. Латентный конфликт перерастал в открытый. Недовольны были и ранее воевавшие за советскую власть. Так, под руководством бывшего командира партизанского отряда Причумышья Г. Рогова вспыхнул мятеж, который затем охватил пространство населённого казаками Змеиногорского, Славгородского и Семипалатинского уездов, распространился на север и северо-запад, захватив Каменский и часть Павлодарского уездов. Неспokoйно было в Курганском уезде Челябинской губернии, Шадринском и Камышловском уездах Екатеринбургской губернии [3, с. 62].

Архивные материалы утверждают – в Тюменской губернии мощный «очаг» восстания вспыхнул в Ишимском уезде 31 декабря 1920 г. [7]. Несмотря на то, что каждый из участников событий смотрел на мир, исходя из своих стереотипов, «набор» общих обид и возмущений объединил: в воззвании повстанцев Кокчетавского повстанческого штаба сказано: «Казачи, крестьяне, мусульмане и граждане! Не ограничивайтесь одной радостью, а вступайте в ряды, организуйте свои отряды сами, как мы закрепляйте освобождение от кровавого террора коммунистов» [3, с. 68]. Так определился образ врага – коммунисты, но при этом появились несовместимые лозунги: «С нами бог! Да здравствует Советская власть и сибирское крестьянство! Долой коммунистов!». Караульный волисполком констатировал, что не только зажиточные: «Заглядывают в Библию или другие книги священного содержания, в которых якобы есть предсказания, что было, что есть и что будет, и ищут там ответа: «скоро ли будет иная власть?» [4, т. 2, с. 66].

Реагируя на острую ситуацию с развёрткой и недовольство масс от разбойных «подвигов» продработников, заработали военные трибуналы. Сиббюро ВКП /б/ вынесло секретное решение: «Надо было соединить на скамье сугубо виновных – чекиста, продовольственника и бунтовщика» [4, т. 2, с. 282].

Примечательно, что во время восстания «ожили воспоминания» о прежнем статусе «служилых казаков» у сибирских татар бывшей Тобольской губернии, в значительной части переведённых в крестьяне и мещане ещё в 1880-х гг. [5, с. 81, 84]. Факты «нового оказачивания» удивительны, но они «вписываются» в практику Гражданской войны. Между тем, не удалось объединить всех восставших «Генеральному штабу», что расположился в станице Ново-Николаевской, которому подчинялись Ишимский фронт, Петропавловско-Петуховский и Казачий [3, с. 81]. Многие отряды входили в т. н. Армии, которые по структуре таковыми не являлись. Именовались они по-разному: Народно-крестьянская зелёная, Мужичская, Крестьянско-казачья, Южно-народная. Налицо – рассогласование целей и способов их достижения, как и отсутствие явного лидера.

Командование РККА заметило: «Банды в районе 76 полка идут под трёхцветными знамёнами: первая полоса белая, вторая – синяя, третья – красная». Символика дореволюционной России оказалась востребована в новых условиях – как образ стабильности. В районе Кусеряка было захвачено трёхцветное знамя (но уже с пунцовыми цветами). Там же появилось и требование привести великого князя Михаила Александровича (а он уже расстрелян!) к власти. Их монархические чувства не разделяли другие мятежники, для которых более близка надпись на тех знаменах: «Да здравствует Советская власть без коммунистов, бей жидов, спасай Россию» [1, с. 343].

В составе Народной армии Колыванского и Бухтарминского восстаний находилось около 5–6 тыс. чел., среди которых было немало казаков, сохранивших воинские навыки, а кое-кто и вооружение. В Колыванском приняли участие и казахи [4, т. 1, с. 394], которые уже не были в оппозиции к казакам, как это случилось во время восстания 1916 г. Впрочем, часть казачества занимала выжидательную позицию, а в случае бандитских проявлений остро на них реагировала. Так, в начале сентября станица Пресногорьковская была объявлена на осадном положении в связи с появлением «зелёной банды» Б. Горячева. В Оренбургской губернии в Кваркемском районе в октябре возникла «зелёная армия» Чумакова [3, с. 59–61].

Во многих местностях повстанцев именовали «чёрными», перенеся анархистский цвет транспарантов и знамён на всех. А в Коротковском районе было захвачено красное знамя с чёрным крестом и надписью: «Мы боремся за хлеб. Не гноите его в амбарах» [3, с. 79]. Приказ командира 1-го Освободительного полка вообще предписал, что флаг должен быть зелёным, означая леса, луга, растения на крестьянских полях, белые буквы надписи: «Долой коммунизм. Да здравствуют Советы» обозначали снег [1, с. 273].

Да и служители культа были не едины. Власть отмечала: «...духовенство, организованное в «Братство Св. Семиона», за отчётный период ничем себя наружно не проявило». Что касается других сил, то парторганы Шадринского района докладывали зимой 1920/1921 гг.: «Группы анархистов и евангелистов [очевидно, местных протестантов. – авт.] за отчётный период наружно ничем себя не проявили, но по докладу сотрудника, работавшего среди них, на днях предполагается возобновление работы анархистов и с организацией комитета» [4, т. 2, с. 101].

Люди нуждались в духовном окормлении. Поэтому священник села Ново-Тырышкинского П.А. Попов благословлял: «...воины, желаю Вам всего хорошего. Идите с Богом!» [4, т. 1, с. 349].

По объявленной мобилизации в отряды повстанцев призывались мужчины (в т. ч. многодетные) от 18 до 45, за исключением казахов, которые шли добровольно (среди них были как баи-скотоводы, так и их прежние враги – скотокрады). Так, в Акмолинском районе (по данным на 29 июля 1921 г.) среди 80 мятежников замечены и казахи. Встречались в отрядах и подростки, набранные по принуждению, а также из солидарности с взрослыми родственниками [3, с. 70].

Поддерживая повстанцев, во многих поселениях жители выделяли продукты, предоставляли оружие и подводы, а некоторые бывшие или действующие служители культа проводили агитационную работу среди населения.

С участием казаков 21 февраля был занят Тобольск, где власть взял в свои руки временный городской совет. Вышло и обращение

«От рабочих и служащих гор. Тобольска к Народной армии и ко всему трудовому крестьянству», где замечено: «...как оживились с восстанием все черносотенные элементы ... как громко раздаются голоса старых царских защитников, натравливающих татар на русских, русских на евреев». Не стоит оценивать события однозначно, поскольку были жертвы среди тех, кто не разделял позицию повстанцев [2, с. 23]. Между тем, сформированный Тобольский казачий полк (в сводках РККА его численность определялось в 500 чел) имел на вооружении 100 винтовок и в марте занимал Уваровскую, Бегишевскую, Дубровную и Карагайскую волости. 7 марта «отряды казаков, ведя смелую разведку и поднимая по пути партизанское движение, проникли уже в пределы Тарского уезда» [5, с. 5].

Явная или скрытая борьба против большевиков стала частью сопротивления и на севере края, куда ушли мятежники. Там к ним присоединились заключённые лагеря принудительных работ «Райрыбы» (И. Васильев, А. Нимаков и другие) и «горожан» (вахмистр Сакохов, Г.Ф. Ковтун и другие), из которых был сформирован «конный казачий полк» под командованием С. Скобеева⁷, а в составе отряда «главкома» Народной армии Б.В. Сватова воевало около 200 казаков при двух пулемётах [5, с. 84–85]. Их поддержка восстания, очевидно, связано с общим недовольством политического унижения от расказачивания, но и состоянием сосланных на Урал и в Сибирь – бывших белоказаков, в т. ч. донских и кубанских. Их ненависть к победившей РККА вылилась в репрессии и против сочувствующих коммунистам.

Ощущая напряжение и готовясь к сопротивлению, в Обдорске 20 февраля создан Северный ревком (во главе – А.Д. Протасов-Жизнев), чьи директивы отличались, как и у восставших, непомерной жесткостью [1, с. 193–195].

Случаи грабежа и мародёрства со стороны красноармейцев отмечали и на юге региона: в поселке Михайловский пострадала утварь церкви [4, т. 2, с. 442]. Между тем бойцам надлежало не грабить, а воевать, поскольку прорывались с боями в Китай большие группы, включая казаков, шедших с семьями и скарбом. Бывший подъесаул, а в советское время – военком станицы Екатерининской, ставший командиром 1-й Сибирской казачьей дивизии С.Г. Токарев в мае 1921 г. привёл в Синьцзян 1 700 своих казаков, бойцов Курганской освободительной армии и других отрядов. К уже осевшим там казакам Анненкова и Дутова добавились «поздние мигранты» из казаков⁸.

Волнения 1920–1922 г. подавлены с огромными жертвами, но большевики не извлекли уроков, испытывая через репрессивный аппарат «сладострастие мести» до конца 1930-х гг.

---

⁷ Вскоре «скобеевцы» перешли к тактике партизанской борьбы, но, не имея прочных связей с окружающим населением, были обречены.

⁸ Об этом мы писали в «Казак в Кыргызстане» (2-е доп. изд.). Бишкек, 2012.

«Итоги» восстаний

Они оказались плачевны не только в количестве понесённых жертвах, но и обнаружившихся «перспективах» физического устранения недовольных.

И всё же на некоторые опасные симптомы «всеобщности» власть с опозданием, но отреагировала. Несмотря на сорванную продрозверстку руководство Омской, Алтайской, Томской, Семипалатинской, Енисейской, Иркутской губерний с 1 августа по 1 декабря 1921 г. должны были обеспечить сбор 110 млн. пудов хлеба. Взамен им пообещали выделить кровельное железо, тазы, фуфайки, топоры и другое [3, с. 23–24]. Поскольку план продрозверстки оказался выполнен в Сибири на 75%, то и введение продналога для Сибири отложилось. Да и оказался он сложнее в исполнении, в ряде случаев сопровождаясь репрессиями.

Последствия восстаний, совпавшие с обрушившимися на страну засухой и голодом, сильно подорвали экономику: 20 февраля 1922 г. на омском рынке мука стоила 4,5–5 млн. руб. за пуд. И дело не в гиперинфляции, а в оскудении материальных ресурсов и живой силы – хлеборобов и животноводов. К концу 1921 г. – началу 1922 г. голодали только по КазАССР 1 309 тыс. чел. Отмечены были случаи людоедства, и самое страшное – поедали детей [3, с. 140].

Всеобщий характер репрессивные методы против выживших повстанцев получили с середины 1920-х гг. Впрочем, пострадали и те, кто отстаивал большевистскую власть в Гражданскую войну, подавлял восстания 1920–1922 гг.

Каждая власть, чтобы быть устойчивой и эффективной, должна в главном соответствовать чаяниям граждан. Этого не случилось в рамках «военного коммунизма». А результат – восстания против находившихся во власти.

Литература:

1. Васильев А.И. Отвоёванная Россия: книга воспоминаний и документов. Тюмень, 2011.
2. Гарифуллин И.Б., Кабдулвахитов К.Б., Ярков А.П. «Мусульманский» аспект в «сибирских крестьянских восстаниях» периода утверждения советской власти (1917–1921 гг.) // 1937 год: память и уроки: мат. межрегион. конф. Тюмень, 2007. С. 20–24.
3. Гривенная Л.А. Крестьянское повстанчество в Северном Казахстане в начале 20-х годов XX века: учебное пособие. Петропавловск, 2009.
4. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: [в 2 т.]. М., 2000. Т. 1.-2.
5. Казаки Тюменского региона от Ермака до наших дней (краткий очерк) / под ред. А.П. Яркова. Тюмень, 2010.
6. ГБУТО «Государственный архив в г. Ишиме». Ф. 82. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.